

Он не успел закончить фразу, как слова застряли у него в горле. В непроглядной тьме он всё же мог разглядеть очертания красивого лица Лаосани, а в его глазах горел огонь, одновременно сильный и нежный. В этом взгляде не было ни борьбы, ни разрушения...

Рука Лаосани поднялась, слегка коснувшись кончика носа А-Да. Его дыхание согрело щеку А-Да, и тот, не в силах сдержаться, наклонился, чтобы поцеловать уголок его губ.

Губы Лаосани были влажными и прохладными, и прикосновение к ним словно ударило током, заставив А-Да дрожать всем телом. Изначально он хотел лишь слегка коснуться, чтобы понять реакцию Лаосани, но теперь, потеряв контроль, он схватил его лицо и уже готов был погрузиться в глубокий поцелуй.

В тот момент, когда их губы вот-вот должны были соприкоснуться, вдруг что-то с силой ударило его в спину, и он всей тяжестью обрушился на Лаосани, лицом в его губы.

Оба вскрикнули от боли!

Оказалось, что хлипкая лачужка, в которой они укрылись, не выдержала их активности, и ветки вместе с листьями и дождём обрушились, похоронив их под собой.

Через несколько минут, слегка очистившись от веток и листьев, они поспешно восстановили крышу, накрыв её свежими листьями. К этому моменту они уже были мокрыми до нитки и измотанными. Когда они снова залезли в протекающую лачугу, напряжённая атмосфера, царившая ранее, полностью исчезла.

Они молчали, слушая, как дождь стучит по листьям.

А-Да первым засмеялся.

Лаосань с укором посмотрел на него, но тоже не смог сдержать улыбку. Внутри он сожалел, но также чувствовал облегчение. Он был на грани потери контроля, и хорошо, что всё закончилось так, а не иначе. Если бы он действительно...

В темноте он не мог разглядеть реакцию А-Да, не знал, что тот думает. Моменты нежности А-Да перед тем, как лачуга рухнула, теперь казались ему смутными и нереальными. Всё произошло за считанные секунды, и он всё больше терял ощущение времени, не понимая, то ли А-Да действительно поцеловал его, то ли его лицо просто прижалось к губам из-за обрушившихся веток. Единственное, в чём он был уверен, — это то, что его губы теперь горели, и, скорее всего, уже опухли.

Он вздохнул:

— Не смейся, нам и так плохо.

А-Да обнял колени:

— Не так уж плохо. Слышишь, дождь стихает.

Звук дождя действительно стал тише, хотя вода с крыши всё ещё капала.

А-Да спросил:

— Почему ты боишься, когда тебя трогают?

Лаосань задумался. Вопрос А-Да застал его врасплох, и он не знал, как ответить. Он вспомнил, что А-Да уже задавал ему этот вопрос давно, но тогда они были не так близки, и он не хотел делиться своими секретами.

И сейчас... ему всё ещё было сложно говорить об этом. Поэтому он просто сказал:

— Это просто моя особенность. Как кто-то не ест чеснок, а кто-то не носит носки. Это просто особенность — без причины.

— А как ты раньше встречался с кем-то? Неужели у тебя не было отношений?

— Чёрт, как это возможно, — Лаосань прищурился, как старая кошка. — С теми, кто мне нравится, мне не неприятно, можно трогать сколько угодно.

А-Да слегка улыбнулся, чувствуя, что эти слова ему приятны. У Лаосани действительно были свои особенности, но, кроме необходимых рукопожатий или передачи предметов, он держался на расстоянии со всеми, кроме него. С ним Лаосань всегда был ласков, и трогать его действительно можно было сколько угодно.

Лаосань тоже понял, зачем А-Да задал этот вопрос, и почувствовал лёгкую неловкость. Он не рассказал А-Да, что у него были не только отношения, но и довольно беспорядочная личная жизнь.

Его мать была крайне чистоплотной и не терпела никакого беспорядка, поэтому с детства она была чрезвычайно требовательна к его внешнему виду и поведению. Рядом с ней он всегда был настороже, боясь, что малейшая грязь вызовет её гнев, а её гнев всегда был бурей. В доме семьи Су ему было ещё хуже, он оставался один на один с интригами и злобой окружающих. Со временем его страсть к чистоте и порядку превратилась в недоверие и отвращение к людям. «Люди — они все грязные», — так он думал с самого детства.

Лаосань ненавидел любую грязь и избегал любых близких контактов. Он не сказал А-Да правду, конечно, у него были отношения, и у него были потребности в любви и сексе, но это не могло преодолеть его отвращение к физическим контактам вне этих потребностей. Постепенно в его кругу распространились слухи: с Су Сань-шао можно пить, развлекаться, получать подарки, даже заниматься сексом, но после этого он сразу же отворачивался, даже руку пожать не даст. Он разбивал сердца, и его репутация была испорчена до предела, но со временем он смирился. Какая разница, ведь вокруг него всегда было много людей.

С тех пор он пустился во все тяжкие, и количество его любовников стало неисчислимым. Он действительно стал тем самым легендарным распутником. Люди приходили и уходили, но он оставался один. Лаосань всегда рос в одиночестве и не видел в этом ничего плохого, не надеясь, что его болезненное состояние когда-нибудь излечится.

А-Да был единственным исключением. Он сам не мог объяснить, почему только А-Да смог переступить эту черту. Это нельзя было объяснить просто симпатией или любовью — даже с теми, кого он искренне любил, он не мог терпеть, чтобы они спали рядом с ним.

Если говорить о том, чем А-Да отличался от всех, то, возможно, он действительно был странным человеком, непохожим на других. А-Да был грязным, первое впечатление Лаосани о нём — это его ладони, покрытые грязью. В дальнейшем, во время их общения, А-Да часто работал в огороде или лесу, весь в земле, его футболка пропиталась потом, а обувь никогда не была чистой... Но он был единственным человеком, рядом с которым Лаосань не чувствовал грязи.

Рядом с А-Да он чувствовал только спокойствие, уверенность и расслабленность. Он невольно тянулся к нему, и, возможно, это было не только из-за любви, но и потому, что А-Да заставил его поверить, что в естественном мире всё полно недостатков и изъянов, всё смешано с грязью. Один недостаток существует, чтобы компенсировать другой. Все совершенство — это иллюзия.

И наконец, он нашёл в себе силы сказать той матери и тому детству в своём сердце: «Вы были неправы! Все ваши упреки, придирки, наказания и издевательства были несправедливыми!»

Та дыра в его сердце, полная шипов, наконец начала заполняться.

На следующий день, с первыми лучами солнца, они, как мокрые звери, выбрались из лачуги.

А-Да осмотрел местность и вместе с Лаосанем нашёл реку. Вода в реке была светло-коричневой, но совсем не мутной, словно поток кока-колы. Это было из-за высокого содержания минералов, и хотя воду нельзя было пить, она была чистой.

Их одежда была мокрой и кислой, лица грязными. А-Да посмотрел на уголок губ Лаосани и с виной сказал:

— Так сильно ударился, уже посинел.

Лаосань, глядя в отражение в воде, увидел, что его губы слегка опухли и на них появились синяки. Он подумал, что прошлая ночь была действительно бурной.

Вспоминая события прошлой ночи, он возбудился, не отрывая взгляда от А-Да.

А-Да поспешил успокоить:

— Не сердись, ты даже с синяком выглядишь хорошо. Вернёмся, я помогу тебе намазать мазь.

Но Лаосань сказал:

— Твои волосы растрепались.

А-Да ещё не успел ответить, как Лаосань уже встал за ним, развязал ленту и начал пальцами расчёсывать его волосы.

А-Да замолчал. Большие ладони Лаосани мягко скользили по его густым волосам, проявляя невероятную нежность. А-Да давно не чувствовал такой заботы, и внутри него боролись противоречивые чувства. Он думал, сдать ли? Если он сдастся, откроет ли Лаосань ворота, чтобы принять его?

При свете дня смелость прошлой ночи давно исчезла. Он чувствовал себя тревожно и потому немного раздражённо сказал Лаосаню:

— Всё, я сам справлюсь.

Он просто собрал волосы в пучок. Лаосань, стоя рядом, усмехнулся:

— У тебя волосы такие хорошие, мягче, чем у многих женщин.

А-Да не мог не уловить в его словах намёк на поддразнивание, и ответил:

— У тебя тоже неплохие. Ты такой нежный и белокожий, если отратишь волосы, будешь

красивее многих девушек.

Лаосань внутренне усмехнулся — он знал, что выглядит хорошо, и в этом не было ничего постыдного, но никто не осмеливался сказать, что Су Лаосань похож на женщину. В их схватке прошлой ночью Лаосань не уступил, и если бы они действительно схлестнулись, неизвестно, кто кого подчинил бы.

Каждый из них думал о своём, пока они шли вдоль реки и нашли маленькую деревню, откуда вернулись в Сингапур.

И затем наступил рассвет (убегает).

<http://bllate.org/book/16329/1474100>